
ЛИТЕРАТУРЫ СТРАН ДАЛЬНОГО ВОСТОКА И ЮВА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Балданмаксарова Е. Е.

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Россия)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНГОЛО-КИТАЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию монголо-китайских литературных связей в период Средневековья. Для литературного процесса средневековой Монголии характерно развитие в широком контексте литературных и культурных взаимосвязей с литературами Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока, что было обусловлено как географическим положением, так и общественно-политической ситуацией страны начиная с XIII в. При изучении проблем монголо-китайских взаимосвязей для нас важно рассмотреть творческий синтез двух сопредельных культур, стимулирующий развитие и взаимообогащение литературно-фольклорных традиций. Для монголо-китайских литературных взаимосвязей характерно развитие в два этапа. Первый этап связан с образованием Юаньской династии монголов в Китае (1271–1368). Именно в этот период закладываются основы для объединения, синтеза двух разных культур в рамках одного государства и дальнейшего развития процесса историко-культурных взаимоотношений. Второй этап характеризуется входением Монголии в состав маньчжурской династии Цин Китая (1644–1911). Именно в этот период синтез монголо-китайских фольклорно-литературных традиций достигает своего апогея: появляется новый жанр под названием «книжный сказ» (*бэнсэн улигер*); многочисленные переводы китайской повествовательной прозы, в частности романов, приводят к созданию жанра романа — исторического, семейно-бытового — в монгольской литературе. Заметным достижением в этом жанре стало творчество выдающегося писателя, первого монгольского автора романов В. Инджаннаша.

Ключевые слова: литературные связи в Средневековье, Китай, Монголия, жанр *бэнсэн улигер*, роман, В. Инджаннаш.

Baldanmaksarova Elizabeth

(A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russia)

MEDIEVAL MONGOLO-CHINESE LITERARY RELATIONSHIPS

Abstract: The article is devoted to the study of Mongolian-Chinese literary relations during the Middle Ages. The literary process of medieval Mongolia is characterized by the development in a wide context of literary and cultural relationships with the literatures of Central Asia, South Siberia and the Far East, which was due to both the geographical location and the socio-political situation of the country, starting from the 13th century. When studying the problems of Mongolian-Chinese relations, it is important for us to consider the creative synthesis of two neighboring cultures, which stimulates the development and mutual enrichment of literary and folklore traditions. Mongolian-Chinese literary relations are characterized by development in two stages. The first stage is associated with the formation of the Yuan dynasty of the Mongols in China (1271–1368). It was during this period that the foundations were laid for the unification, synthesis of two different cultures within the framework of one state and the further development of the process of historical and cultural relations. The second stage is characterized by the entry of Mongolia into the Manchu Qing Dynasty of China (1644–1911). It was during this period that the synthesis of the Mongolian-Chinese folklore and literary traditions reached its apogee: a new genre appeared called “book tale” (*bensen uliger*); numerous translations of Chinese narrative prose, in particular novels, lead to the creation of the genre of the novel — historical, family and everyday — in Mongolian literature. A notable achievement in this genre was the work of the outstanding writer, the first Mongolian author of novels, V. Injannash.

Keywords: literary connections in the Middle Ages, China, Mongolia, genre *bensen uliger*, novel, V. Injannash.

Монгольская литература принадлежит к числу «молодых» литератур, зародившихся в Средние века. Однако, в отличие от других восточных литератур, в частности индийской и китайской, в которых имеется этап древности и ранее создание письменности и удобного материала для письма, переход к письменности у монголов произошел значительно позднее и потому быстро. Монголы создали свой алфавит на основе тюркской (уйгурской) модели, восходящей к согдийскому алфавиту эстрангело, и довольно быстро перешли от очень тяжелой и громоздкой техники письма на скалах, камнях — к бересте, а затем и к бумаге. Из древних монгольских летописей известно, что монголы до XIII в. знали и другие письмены. Как считал профессор Императорского Санкт-Петербургского университета А. М. Позднеев, задолго до эпохи Чингисхана (даже во времена его далекого предка Бодончара) монголы пользовались китайскими иероглифами. В частности, он отмечал, что «постоянные сношения с Китаем потребовали новых порядков, и тогда, почувствовав нужду в письме, монголы начали употреблять китайские иероглифы, не приспособлявая их, однако, к своему языку, как это сделали японцы, корейцы и др.» [1, с. 2].

Монгольская литература возникает в первой половине XIII в. — почти в одно время с образованием Великого Монгольского государства. «Стремительное возвышение Монгольской империи на мировой арене довольно полно

отразилось в первом дошедшем до нас историко-литературном произведении монголов “Сокровенное сказание монголов” (*Mongyol-un niyuča tobčiyar*, 1240) или “Секретной истории монгольской династии Юань” (元朝秘史; *Юань-чао-ми/би ши*). Его ценность, несомненно, в том, что оно было написано непосредственно по свежим следам великих исторических событий начала XIII в. автором, который (если судить по тексту) принимал в них активное участие и был близок к Чингисхану и его сподвижникам» [2, с. 508].

XIII–XIV века занимают особое место в истории монгольской литературы. В течение этого периода происходит формирование и становление литературы средневекового типа. Содержание и форма раннемонгольской литературы определяются теми общественными проблемами и противоречиями, которые характерны для феодального строя. Именно в этот период формируются средневековые методы изображения, литературные традиции, система жанров и стиль. Большую роль в развитии литературного процесса этого и последующего периодов сыграли иноязычные художественные традиции, которые расширили эстетические возможности литературы. Формирование новых представлений в теории литературы, как и в словесности, шло за счет индо-тибето-монгольских литературных связей, переводной литературы и заимствований, а также буддизма, который стал государственной религией, начиная с Юаньской династии (1271–1368), основанной внуком Чингисхана Хубилаем (1215–1294). В этот период монголо-китайские литературные связи получают свое наибольшее развитие. В столице монгольской державы Юань — Ханбалгасуне, или по-китайски Дайду (современный Пекин), — была основана Академия литературы для изучения и подготовки к печати книг по истории и культуре монголов. Там совместно работали литераторы и историки из Монголии, Китая, Персии, Тибета. Руководство осуществлялось монгольскими учеными. Например, под руководством монгольского ученого Тогто, согласно традициям и опыту создания китайских династийных историй, были написаны «Ляо ши» («История государства Ляо»), «Цзинь ши» («История государства Цзинь») и «Сун ши» («История государства Сун»). Из конфуцианского канона была переведена «Книга сыновней почтительности», две антологии цзиньских поэтов «Чжун-чжоу цзи» и «Хэфэнь чжу лаоши цзи».

Известный востоковед, специалист по истории монгольских и тунгусо-маньчжурских народов М. В. Воробьев считал, что «“Поучения Чингисхана” обнаруживают следы влияния цзиньско-китайского жанра “княжеского зеркала”, излагающего правила жизненного уклада и царствования правителя» [3, с. 31]. Роль проводника некоторых элементов китайской культуры у монголов приводит доктор исторических наук, китаист, тангутовед Е. И. Кычанов, затрагивая проблему тангутско-монгольских культурных связей. Анализ сходства функциональной роли парных изречений как одной из ведущих форм паремического речетворчества [4, с. 201–207], музыкального творчества и буддизма у тангутов, тибетцев и монголов Кычанов объясняет культурно-историческими связями и взаимовлиянием, а также общностью социально-культурных процессов. В XIII в.

в Монгольской империи появляется государственное учреждение по книгоиздательству — «Улсын судрын яам», создаются специальные школы, мастерские для обучения издательскому делу. В этот период особенно много было издано словарей, что было связано с бурным развитием переводной литературы: «Монголо-персидский словарь» (1245), «Монголо-арабский словарь» (1247), «Уйгуро-монгольский словарь» (1280), большой «Китайско-монгольский словарь» (XIV в.).

Немецкий ученый Б. Лауфер в своей книге «Очерк монгольской литературы» [5, с. 18–22] предложил следующую классификацию видов монгольской письменности: 1) уйгурское письмо (около 1204 г.); 2) китайско-монгольское (в период с 1210 по 1220 г.); 3) квадратное письмо (около 1269 г.); 4) собственно монгольское (с 1311 г.). Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что монгольская письменная культура, у истоков которой стояла, безусловно, тюркская доминанта, развивалась в пределах великого центральноазиатского и дальневосточного культурного ареала — близко от его центра, которым стали Тибет и Китай, чтобы впоследствии испытывать подавляющее их влияние. Если говорить о структурных частях литературного наследия монголов, то можно выделить следующие три крупных этапа: исконный, генетически унаследованный, прамонгольский слой, тесно связанный с тюркской традицией; индо-тибетский буддийский историко-литературный слой; китайско-маньчжурский, обусловленный особенностями исторического развития.

Монголо-китайские историко-литературные связи после некоторого прерыва вновь возобновляются начиная с конца XVII в. и продолжались вплоть до 20-х гг. XX в. Переход Монголии в подданство Маньчжурской империи Цин (1644–1911), несмотря на ожесточенное политическое сопротивление, в литературном плане положительно сказалось в целом на развитии монгольской литературы. Вовлеченность в дальневосточную литературную традицию, знакомство с многовековым опытом китайской литературы в разных жанрах оживили литературную жизнь Монголии, обогатили и расширили ее жанровые возможности.

Особенно полюбились монголам китайские прозаические произведения. Переводились романы исторические, фантастические с элементами чудесного, любовно-бытовые, сатирические и др. Наибольшей популярностью пользовались романы: «Государыня Чжун» (или «История переродившейся феи Чжун»), «Троецарствие» (XIV в.) Ло Гуань-чжуна; «Речные заводи» (*Шуйху чжуань*, XIV в.) Ши Най-аня; «Сон в красном тереме» (*Ши тоу цзи*, XVIII в.) Цао Сюэциня; «Путешествие на Запад» У Чэн-эня; «Повествование о династии Западная Хань», «Цзинь, Пин, Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе», 1617) Ланьлинского насмешника (подлинное имя автора неизвестно), созданные при династии Мин. А также полюбились монголам «Рассказы Ляо Чжая о вещах невероятных», «Лисьи чары» Пу Сунлина и др. Изучение монгольского каталога переводов с китайского из фонда Института восточных рукописей РАН (с 1991 по 2008 г. — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН), поступившего в 1864 г. в Азиатский музей, позволил известным синологам Б. Л. Рифтину и В. И. Семанову прийти к выводу о том, что «к середине XIX в. на монгольский язык было

переведено не менее 17 произведений китайской повествовательной прозы» [6, с. 248]. В общей же сложности, включая рукописи, хранящиеся не только в России, но и в Монголии, Германии, в Королевской библиотеке Копенгагена, в Библиотеке японского парламента в Токио, «на монгольский язык было переведено около 70 произведений китайской повествовательной прозы (романов и повестей)» [6, с. 250].

Особенность монгольских переводов с китайского языка заключалась в том, что это были не переводы в нашем современном понимании. Они представляли собой, можно сказать, особые интерпретации, которые могли иметь несколько вариантов и транслироваться в традициях устного сказа: со вступлением или зачином, который мог быть и в стихотворной форме, обращениями, вводными рассказами, введением описаний, использованием трафаретных выражений или словосочетаний, обрывами повествования в самом интересном месте, заключительными стихами и другими художественными приемами. Все это излагалось профессиональными рассказчиками, иногда под аккомпанемент музыкального инструмента.

Еще одна особенность заключалась в том, что при существовании книгопечатания у монголов в форме ксилографии многие переводы сохранились в рукописных списках. Особый отпечаток, безусловно, на монгольские переводы китайских романов наложило и то, что некоторые из них были переведены через посредничество другого языка, а именно — с маньчжурского. Назову лишь некоторые из них: «Государыня Чжун» (1729), «Троецарствие» (60-е гг. XIX в.), «Цзинь, Пин, Мэй» (втор. пол. XIX в.), новеллы «Удивительные истории» Пу Сунлина (1920-е гг.). Однако одной из главных особенностей переводов китайских романов является доступный и простой язык, использование стиливых и образительных возможностей художественного слова, что значительно импонировало массовому читателю по сравнению с переводами буддийской канонической литературы с тибетского языка. Другой особенностью являлся пересказ китайских романов в устной форме под аккомпанемент моринхура (аналог скрипки или, можно сказать, монгольская скрипка) с использованием вставных стихов. Б. Л. Рифтин и В. И. Семанов отмечают, что «монгольские переводчики сделали больше других для ознакомления своих читателей с китайской повествовательной литературой, имеющей в целом яркий демократический характер» [6, с. 277].

Результатом взаимодействия двух соседних литератур — центральноазиатской и дальневосточной — явилось рождение нового монгольского жанра *бэнсэн улигэр* (букв. «книжные сказы») ¹, возникшего в XVIII в. и засвидетельствовавшего синтез двух культур. Монгольские литераторы, позаимствовав сюжет китайских романов, сохранили прозо-поэтическую структуру, характерную для

¹ Данный фольклорный жанр в свое название включает два слова — китайское *бэньцзы* («книга, тетрадь») и монгольское *улигэр* («эпос, эпическое сказание») — и представляет собой живое исполнение монгольскими сказителями китайских романов. Об этом жанре см.: [7, с. 280–314].

повествовательной традиции монголов, обращались к образам своих национальных героев, к традиционному музыкальному оформлению (пение, речитатив, игра на моринхуре), использовали свои художественно-изобразительные средства и сохранили стиль, художественную манеру исполнения, импровизацию, ориентацию на живой отклик аудитории. Все это свидетельствует о творческом подходе монголов к реализации перевода и устной трансляции китайской прозы, т. е. в этом новом жанре творчески осуществилось взаимодействие, взаимодействие двух культур.

В рамках традиции «книжных сказов» складывается новый повествовательный подвид, всецело посвященный современной тематике, который самими сказителями был определен как «новый сказ». Одно из таких уникальных произведений, особенно важное для понимания проблем генезиса романа был рассмотрен известным монголоведом С. Ю. Неклюдовым в статье «Пути сложения сюжетного повествования в монгольской традиционной прозе» [8, с. 254–263]. «Пламя гнева» (*Хилэнгийн гал*) Чойнхора Неклюдов рассматривает, ссылаясь на Рифтина, как одно из пограничных фольклорно-литературных произведений, которое «в целом может быть охарактеризовано как “народный роман” авантюрно-социального типа, построенный на использовании и литературных традиций, и эпического фольклора. <...> Каждая сцена разработана весьма пластично, наглядно и драматизировано, наподобие того, как это делается в китайском профессиональном прозаическом сказе» [9, с. 272–291]. Можно констатировать, что жанр «книжного сказа» (*бэнсэн улигер*), его новизна в форме «нового сказа», которые возникли под непосредственным влиянием китайской прозаической литературы, явились одним из фундаментов, основой для формирования и становления жанра монгольского романа.

Одним из первых на монгольский язык был переведен роман «Путешествие на Запад» (XVI в.) У Чэнъэня. При переводе роман получил в традициях монгольской повествовательной литературы длинное название «История, повествующая о том, как Танский лама отправился в Западный край» (*Tangsan blam-a-yin barayun yajar odduysan-i temdegslegsen teüke*) и отсылает нас к известному путешественнику, буддийскому монаху Сюань-цзану (VII в.). Изменение названия не было случайным. Обратимся к высказываниям известных китаистов: «Монгольские книжники в отличие от китайских, больше интересовались забавными приключениями подлинного главного персонажа произведения — царя обезьян Сунь У-куна, бунтаря и своеобразного богоборца, восприняли этот роман как некое буддийское откровение, как историю постижения человеком (Сюань-цзаном) буддийского учения» [6, с. 244]. Монгольский переводчик Аран, завершивший работу над текстом в 1721 г., в начале и в конце своего перевода обращается к читателям, чтобы они серьезно отнеслись к чтению романа и постарались проникнуться его смыслом, ибо он поможет им достойно преодолеть океан жизни. Популярность романа «Путешествие на Запад» У Чэнъэня в Монголии сказалась и на других видах искусства.

Например, дворцовым художником Богдо-гэгэна VIII² Тайджи Дахданом в начале XX в. были написаны крупноформатные альбомы иллюстраций, цветные или тушью, к каждому эпизоду романа, которые в настоящее время хранятся в Государственной библиотеке Монголии. Эпизоды из романа изображались на воротах дворца Богдо-гэгэна VIII и на здании Чойджин-ламы³. Отрывки из романа ставились на театральной сцене в Урге (старое название Улан-Батора) в 20-х гг. XX в. Издание китайской художественной литературы, переведенной на монгольский язык, было сосредоточено в печатнях буддийских монастырей в Западной и Южной Монголии, в Пекине, в Бурятии. Например, в 1923 г. литератор Тэмэгэту организовал в Пекине издательство «Книжное общество монгольской словесности» (*Мэнвэнь шушэ*), где опубликовал в своем переводе литографическое издание «Троецарствия» на монгольском языке с комментариями и иллюстрациями. Этот же текст романа был издан во Внутренней Монголии в 1959 г. [6, с. 249; 10, с. 232]. Известно, что роман-эпопея «Троецарствие» получил большое распространение в Монголии с середины XIX в.

Наибольшее влияние на генезис жанра романа в монгольской литературе XIX в. оказали выдающиеся произведения китайской классической прозы и практика их перевода. Обращение к китайской прозе как к образцу жанра романа приводит к появлению авторских текстов. Одним из первых авторов, кто начал разрабатывать данный жанр, был Лхаванноровын Ванчинбал (1794–1847)⁴. Им был начат в 1830 г. первый в истории монгольской литературы исторический роман «Синяя книга» (*Их Юань улсын мандсан төрийн хөх судар*)⁵, посвященный образованию Монгольского государства и Юаньской династии. Он успел написать лишь восемь глав, поскольку помешала начавшаяся «опиумная война» 1840 г. против английских агрессоров, куда он был призван, и вскоре после ее окончания умер в 1847 г. Однако он сумел привить любовь к литературе и творчеству своим сыновьям. Один из его сыновей — Ванчинбалын Инджаннаш (1837–1892) по праву считается основателем нового прозаического направления в монгольской литературе. Он стоял у истоков жанра романа, и ему удалось творчески соединить национальную повествовательную традицию с достижениями китайского классического романа. Инджаннаш продолжил незаконченный роман отца «Синяя книга» (*Хөх судар*),

² Богдо-гэгэн VIII — титулованное имя восьмого теократического правителя Монголии (1869–1924). Титул Богдо появился в годы правления маньчжурской династии Цин в Китае (1644–1911).

³ Чойджин-лама — государственный прорицатель (оракул), лама Лувсан Хайдав (Лопсанг Кедруп, 1871–1918), младший брат Богдо-гэгэна VIII.

⁴ Лхаванноровын Ванчинбал — представитель аристократии Южной Монголии, один из высокопоставленных чиновников, получивший хорошее образование и в совершенстве владевший двумя языками — родным монгольским и государственным китайским.

⁵ Букв.: «Синяя сутра правления великой Юаньской династии». В монголоведении утвердилось сокращенное название романа — «Синяя книга».

основанный на историко-литературном памятнике «Сокровенное сказание монголов» (1240), на монгольских и китайских исторических сочинениях и летописях XIII–XIX вв. Написанию этого романа он посвятил большую часть своей жизни — около двадцати лет, с 1870 по 1890 г. Недаром роман сразу после появления привлек внимание читателей и знатоков истории и литературы своей тематикой, содержанием, авторским осмыслением, интерпретацией исторических процессов и явлений, а также художественным мастерством. Инджаннаш написал с 9-й по 69-ю главы романа. Причем «дошедший до нас вариант из 69 глав (а это в современном издании две тысячи с лишним страниц!) не считается, однако, законченным», — отмечает С. Ю. Неклюдов, ссылаясь на Г. И. Михайлова и Гомбоджаба [8, с. 239].

Роман-эпопея имеет своеобразную композицию, заданную Л. Ванчинбалом. Одна глава посвящалась событиям одного года, таким образом структурно роман подчинялся строгой хронологической последовательности изложения событий, что роднит его с историческими летописями. Однако каждая глава начиналась четверостишием с изложением того, о чем будет идти речь, и заканчивалась послесловием, написанным языком, близким к разговорному, и выражающим моральную сентенцию, или стихами, содержащими резюме по главе. Внутри главы органично включались различные фольклорные и литературные жанры, содержание вбирало в себя несколько сюжетных ходов, где водоразделом служили определенные слова и выражения. Такое строение глав, безусловно, продиктовано композицией классических китайских романов, что послужило образцом для В. Инджаннаша. Как пример можно указать на «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна.

К роману «Синяя сутра» Инджаннаш написал обширное предисловие «Краткие пояснения» [11, с. 5–99], в котором изложил свои мировоззренческие установки, интерпретацию, свое отношение к изображаемым в романе историческим событиям, выведенным героям, буддийской индо-тибетской культурной традиции, философским учениям древнего Китая, рассуждает о фундаментальных основах человеческого бытия — о смысле жизни, об исторической памяти и славе, о счастье и несчастье, об уме и глупости, о богатстве материальном и духовном, о труде и творчестве, о животворном принципе «метод и мудрость» (*арга билиг / инь-ян*), касается проблемы соотношения художественного вымысла и реальной действительности и др.

Обосновывая актуальность обращения к исторической теме, к личности Чингисхана и к монгольским ханам Юаньской династии, В. Инджаннаш связал необходимость создания романа о монгольской истории XIII–XIV вв. с политическим и экономическим положением Южной Монголии в XIX в., с современным ему морально-нравственным состоянием, образовательным уровнем монгольского общества в Цинском государстве. Он сетует, что, хотя образованных монголов много в трехстах монгольских хошунах⁶, но они в основном

⁶ Хошун — название административного района в Монголии до 1921 г.

читают на китайском языке, увлечены тысячелетней историей Китая, хорошо осведомлены о династиях Сянь, Шан, Чжоу, Цинь, Алтан Улс (Ляо), Сун, Тан и др., а историю собственного народа — синих монголов⁷ — совсем не знают и не интересуются, многие утратили желание обучаться по-монгольски.

Инджаннаш признается, что ему нравится заниматься литературным трудом. Его мечта, как он пишет, — собрать на кончике пера все основные события минувших столетий, преодолеть муки творчества и испытать радость от открытия новых возможностей художественного слова. Касаясь проблемы особенностей жанра «Синей книги», Инджаннаш отмечает, что он писал не историческое сочинение, не летопись, а старался художественными средствами оживить романное повествование, чтобы вызвать интерес у читателей. А для этого он обращается к вымыслу, к мифопоэтическим мотивам, включает в ткань повествования различные рассказы фантастического характера, содержащие элементы чудесного, волшебного свойства, кроме подлинных исторических личностей вводит вымышленных героев и даже существ из параллельных миров (божеств, гениев-хранителей, различных духов и др.). А это, подчеркнем, нисколько не противоречит, а только лишней раз подтверждает, что роман Инджаннаша написан в русле традиций всей восточной литературы, в которой иррациональное, мистическое, как известно, было присуще изначально. В «Синей книге» автор, опираясь на историческую достоверность изображаемого материала, на фольклорные, литературные повествовательные традиции и на опыт китайских классических романов, выработал свой новаторский метод художественного изложения исторических событий и тем самым создал новое романное направление в монгольской литературе, обогатив и расширив возможности национальных художественных традиций в области жанрообразования.

Резюмируя, отметим, что благодаря многочисленным переводам китайских классических романов на монгольский язык, их пересказу в устной форме под музыкальное сопровождение, появлению новых фольклорно-литературных жанровых разновидностей, созданию собственно национальных повестей и романов «монгольская литература, всегда сохранявшая свою национальную самобытность, оказалась включенной в орбиту общедальневосточных, а отчасти и юго-восточноазиатских литературных взаимосвязей» [6, с. 277].

⁷ В древнемонгольских текстах (шаманских) и в летописях встречается выражение «народы пяти цветов»: синие монголы, красные китайцы, черные тибетцы, желтые туркестанцы, белые корейцы. Однако это первая часть единого монгольского понятия «народы пяти цветов и четыре чужих» (*табун үнгэ дүрбэн хари улус*), или в сокращенной форме: «пять цветных и четыре чужих», которое образует общий смысл только в связке друг с другом. Считается, что эта формула восходит к древнеазиатскому эзотерическому учению о четырех противоположностях и пяти первоэлементах (четыре и пять). В качестве философии государственности она восходит к общей для кочевников и китайцев диалектике пяти первоэлементов (стихий) и учению о четырех сторонах (владыках) света.

Литература

1. Позднеев А. М. Лекции по истории монгольской литературы, читанные в Санкт-Петерб. университете в 1895/96 акад. году. СПб., 1896. Т. 1; Владивосток, 1908. Т. 3.
2. Балданмаксарова Е. Е. Проблемы рецепции, перевода и интерпретации «Сокровенного сказания монголов» (1240) в российском востоковедении (на примере труда С. А. Козина) // *Ориенталистика*. 2020. Т. 4. № 2. С. 504–524. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-504-524>
3. Воробьев М. В. Культурные взаимосвязи между монголами и чжурчжэнями (цзиньцзями) в XII–XIII вв. // *Литературные связи Монголии*. М.: Наука, 1981. С. 23–38.
4. Кычанов Е. И. Парные изречения как одна из ведущих форм изречений народов Центральной Азии, ее возможные истоки и пути распространения // *Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: тезисы и доклады восьмой научной конференции*. Ленинград, 1978. М.: Наука, 1978. С. 201–206.
5. Лауфер Б. Очерк монгольской литературы / ред., предисл. Б. Я. Владимирцова; пер. с нем. В. А. Казакевича. Л., 1927. С. 18–22.
6. Рифтин Б. Л., Семанов В. И. Монгольские переводы старинных китайских романов и повестей // *Литературные связи Монголии*. М.: Наука, 1981. С. 234–279.
7. Рифтин Б. Л., Цэрэнсодном Д. Сказ бэнсэн улигэр и проблема литературно-фольклорных взаимосвязей // *Литературные связи Монголии*. М.: Наука, 1981. С. 280–314.
8. Неклюдов С. Ю. Пути сложения сюжетного повествования в монгольской традиционной прозе // *Монгольская литература. Очерки из истории XIII — первой половины XX в.*: сб. ст. / сост. К. Н. Яцковская. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 236–272.
9. Рифтин Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. (Устные и книжные версии «Троецарствия»). М.: Наука, 1970.
10. Хурэл-Батор Л. Переводная литература XIX — начала XX века // *Монгольская литература. Очерки из истории XIII — первой половины XX в.*: сб. ст. / сост. К. Н. Яцковская. М.: Ин-т востоковедения, 1997. С. 229–235.
11. Инжаннаш В. Товчит толь // Инжаннаш В. Их Юань улсын мандсан төрийн Хөх судар. Хөх хото: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1989. 5–99 х. [Инджаннаш В. Краткие пояснения // Инджаннаш В. Синяя сутра о расцвете Великой империи Юань. Хух-Хото: Государственное книжное издательство Внутренней Монголии, 1989. С. 5–99.] (На монг. яз.)

References

1. Pozdneev A. M. *Lectures on the history of Mongolian literature delivered in St. Petersburg. university in 1895/96 academic year*. St. Petersburg, 1896. Vol. 1; Vladivostok, 1908. Vol. 3. (In Russian)
2. Baldanmaksarova E. E. Problems of reception, translation and interpretation of The Secret History of the Mongols (1240) in Russian Oriental Studies (on the example of the work of S. A. Kozin). *Orientalism*. 2020. Vol. 4. No. 2. 504–524. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-504-524> (In Russian)
3. Vorobyov M. V. Cultural relations between the Mongols and the Jurchens (Jinqi) in the XII–XIII centuries. *Literary connections of Mongolia*. Moscow, Nauka Publ., 1981. P. 23–38. (In Russian)
4. Kychanov E. I. Paired sayings as one of the leading forms of sayings of the peoples of Central Asia, its possible origins and ways of distribution. *Theoretical problems of studying the*

- literature of the Far East: abstracts and reports of the 8th scientific conference. Leningrad, 1978.* Moscow, Nauka Publ., 1978. P.201–206. (In Russian)
5. Laufer B. *Essay on Mongolian literature*. Ed., foreword by B. Ya. Vladimirtsova; transl. from German by V. A. Kazakevich. Leningrad, 1927. P. 18–22. (In Russian)
 6. Riftin B. L., Semanov V. I. Mongolian translations of ancient Chinese novels and stories. *Literary connections of the Mongolia*. Moscow, Nauka Publ., 1981. P. 234–279. (In Russian)
 7. Riftin B. L., Tserensodnom D. Skaz bensen uliger and the problem of literary and folklore relationships. *Literary connections of the Mongolia*. Moscow, Nauka Publ., 1981. P. 280–314. (In Russian)
 8. Neklyudov S. Yu. Ways of adding plot narrative in Mongolian traditional prose. *Mongolian Literature. Essays from the history of the 13th — the first half of the 20th century: collected papers*. Comp. by K. N. Yatskovskaya. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS, 1997. P. 236–272. (In Russian)
 9. Riftin B. L. *Historical epic and folklore tradition in China. (Oral and book versions of the “Three Kingdoms”)*. Moscow, Nauka Publ., 1970. (In Russian)
 10. Khurel-Bator L. Translated literature of the 19th — early 20th centuries. *Mongolian literature. Essays from the history of the 13th — the first half of the 20th century: collected papers*. Comp. by K. N. Yatskovskaya. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS Press, 1997. P. 229–235. (In Russian)
 11. Injannash V. Brief Explanations. In: Injannash V. *The Blue Sutra on the Rise of the Great Yuan Empire*. Hohhot, State Book Publishing House of Inner Mongolia, 1989. P. 5–99. (In Mongolian)